

Чжао Шуюй взял нефритовый кулон, повертел его в руках и внимательно осмотрел. Кровь с его руки мазнула по камню, и тот неожиданно впитал её до последней капли.

Молочно-белый древний нефрит после поглощения крови начал краснеть. Чжао Шуюй сосредоточенно уставился на него, как вдруг его взгляд словно прошил камень насквозь. Перед глазами возникло некое пространство: внутри стоял бамбуковый домик, виднелось несколько акров суходольных полей, а вдалеке журчал родник.

Как только Чжао Шуюй собрался присмотреться получше, видение пропало — перед ним снова лежал обычный белый кулон.

В прошлой жизни Чжао Шуюй прочёл немало романов о попаданцах, где герои срывали куш за кушем, и внезапно до него дошло: скорее всего, именно этот старинный нефрит перенёс его в иной мир. И вместе с шансом прожить новую жизнь он, судя по всему, получил классический читерский предмет из веб-романов — пространственный карман.

Даже столь уравновешенный человек, как он, в этот момент не смог сдержать бурлящую в крови горячность. Мужчина до самой смерти остаётся мальчишкой! Чжао Шуюй прокусил палец.

В романах обычно заключают контракт на крови, так почему бы не попробовать?

Он уставился на кулон в руке. Заметив, что нефрит полностью окрасился в алый цвет, Чжао Шуюй сосредоточил всё внимание на происходящих с ним изменениях.

Но едва он подумал, что ему снова удастся заглянуть внутрь скрытого пространства, как пропитанный кровью кулон взмыл в воздух.

Чжао Шуюй слегка прищурился и протянул руку, пытаясь схватить его, но внезапно во все стороны хлынули лучи света, и нефрит ослепительной вспышкой врезался прямо ему в глаза.

Пронзительная боль вонзилась в мозг. Чжао Шуюй глухо застонал, и перед тем, как потерять сознание, в его голове пронеслась лишь одна мысль:

Черт, как же больно! Почему все так и норовят заехать ему по мозгам? Неужели он только попал в этот мир — и сразу копыта отбросит?

Чжао Шуюй очнулся от детского плача.

— У-у-у, братец!

— Братец, проснись! Не умирай, мне страшно! У-у-у...

Уставившись на деревянные стропила над головой, он испытал глубокое недоумение. Осмотревшись вокруг, он обнаружил продуваемые всеми ветрами глинобитные стены. Что это за дыра?

Какой-то маленький мальчик сидел рядом с ним и заливался горькими слезами, захлёбываясь рыданиями. На его одежде уже невозможно было разобрать первоначальный цвет, а личико было грязным.

Заметив, что Чжао Шуюй пришёл в себя, малыш с покрасневшими глазами бросился ему на грудь и зарыдал ещё сильнее:

— Братец, ты наконец очнулся, у-у-у!

От этого наскока Чжао Шуюй почувствовал резкую боль в груди и невольно закатил глаза. Неужели это тот самый дармовой братец, которого так не любил прежний хозяин тела?

Не успел он толком порыться в памяти, как из-за двери раздался яростный стук.

— Тук-тук-тук!

— Открывайте!

— Долги надо возвращать, и это законно! Не думайте, что раз заперлись, так я ничего с вами не сделаю. Если не откроете немедленно, я разнесу ворота к чертям!

Перед воротами усадьбы Чжао толпилась шайка свирепых головорезов из игорного дома.

У входа в обветшалый дворик яблоку негде было упасть. Несколько здоровяков колотили в ворота и ругались последними словами, пытаясь силой прорваться внутрь.

На заднем плане толпились сельчане, которые тыкали пальцами и что-то оживленно обсуждали: кто-то хотел вмешаться, а кто-то просто зевал от скуки.

— Что здесь происходит?

— Судя по этим парням, они похожи на подручных игорного дома Четыре Моря. Неужели этот Чжао Шуюй набрал там долгов и теперь к нему заявили кредиторы?

— Да ну! Как бы Чжао Шуюй ни баловал, он всё-таки сданский ученик, вряд ли стал бы играть на деньги!

— С чего бы не стал? Я этих молодчиков раньше в уезде видел — точно шестёрки из игорного дома Четыре Моря. По мне так этот Чжао Шуюй совсем опустился, как только его родители померли: учёбу забросил, побежал в азартные игры резаться. Совсем с катушек съехал!

Несколько сельчан наперебой делились мнениями, кто-то качал головой и вздыхал.

— Какое несчастье! Подумать только, ещё в восемь лет сдал экзамен на звание ученика, тогда говорили, что сам Вэньцуйсин спустился с небес и в будущем он непременно сдаст столичные экзамены. Кто бы мог подумать, что столько лет учился, а теперь шляется по притонам.

— И надо же, кредиторы нагрянули! Бедняга младший братишка, ему ведь всего пять лет. Слышали? В доме ребёнок уже голос сорвал от плача.

— Я-то сразу понял, что толку от него не будет. Когда я встречал его в уезде, он даже не здоровался, удирал быстрее зайца — боялся, что кто-нибудь узнает о его знакомстве со мной, деревенщиной, — презрительно покачал головой какой-то мужик средних лет.

— Как ты это сказал, так я сразу вспомнил! Я ведь тоже как-то раз ездил в уезд торговать овощами и встретил его. Кричал ему вслед до хрипоты, а он даже головы не повернул! Я-то думал, просто не расслышал, — внезапно дошло до одной из баб.

— До чего же работающие были родители у Чжао! Горбатились с зари до зари, лишь бы оплатить его учёбу, старший Чжао даже на речной пристани грузчиком подрабатывал. Никогда не позволяли Чжао Шуюю и пальцем о палец ударить на полевых работах. И вот кого они вырастили! Интересно, если б они узнали об этом на том свете, пожалели бы?

— Больше всего жалко его младшего братишку. Два года назад родители Чжао погибли от рук бандитов, младшему тогда и трёх лет не исполнилось. А этот Чжао Шуюй даже о родном брате не заботился, целыми днями предавался пьянству и разгулу, распродал всё мало-мальски ценное в доме. Теперь у них, пожалуй, только эти ворота и стоят пары медных монет.

— По моему разумению, у этого Чжао Шуюя точно нет денег на отдачу.

Увидев, что они зашептались, местный главный сплетник, холостяк по фамилии Ли, протиснулся вперёд и загадочным видом произнёс:

— А вы разве не слышали, что с учеником Чжао стряслась беда?

— Какая беда? — тут же подхватил кто-то.

Услышав проявленный интерес, Ли тут же воодушевился и заговорил с ещё большим таинственным азартом:

— Позавчера ученик Чжао раненым потерял сознание на задней горе, и его нашёл Нин-гэр из семьи Чу. Спасибо Нин-гэру, что вернулся и сообщил об этом. Староста велел своему сыну отнести Чжао домой. Голова у него тогда была вся в крови, страшно смотреть. Интересно, поправился он или нет?

— И такое бывает? Мы ничего и не слышали!

— Да разве ж Чу Нин, такой неженка, посмелся бы зайти в глухие горы? Значит, нашёл его у подножия. Там вроде бы никогда диких зверей не водилось, как же он так ранился? — с любопытством рассуждал один из крестьян.

— Неужели, как и его родители, с горными разбойниками столкнулся? — предположил кто-то.

— Тьфу-тьфу-тьфу! Хватит болтать языком попусту, сколько времени уже мир царит, откуда взялись разбойникам?

— Дом Чжао как раз у подножия горы стоит, вполне могло случиться так, что никто и не заметил. Только вот позвал ли староста лекаря, чтобы осмотреть его?

Услышав это, кто-то сразу обратился к стоявшему среди зевак деревенскому лекарю — лекарю Бай:

— Лекарь Бай, вы позавчера ходили осматривать раны ученика Чжао?

Этот лекарь Бай бежал от бедствий тридцать лет назад и осел в уезде Пинъян. Увидев, что деревня Зелёных Холмов приютилась у подножия горы, где удобно собирать травы, он обосновался там и стал единственным лекарем на всю округу. Врачевал он средне, но обладал добрым сердцем.

Видя толпу головорезов у ворот Чжао, он сильно тревожился и кивнул:

— Ученик Чжао получил внешнюю травму: судя по характеру повреждения, его ударили по голове каким-то предметом. Я наложил ему мазь. И сейчас пришёл как раз затем, чтобы навестить его и сменить повязку. Но что же делать теперь, когда его дом окружили эти люди?

Тут же заволновалась госпожа Ван:

— Раз на улице такой шум, а он до сих пор не вышел, неужели с ним что-то случилось?

— А вдруг рана на голове оказалась слишком тяжёлой и он помер дома? — съязвил кто-то.

От этих слов госпожа Ван занервничала ещё сильнее. Её дом стоял по соседству с усадьбой Чжао. В тот год, когда она рожала старшего сына, роды были тяжёлыми. Её свекровь, глядя на её мучения, решила, что звать лекаря — пустая трата времени, и наотрез отказалась тратить серебро. Тогда её муж обошёл всю деревню в поисках займов, и только супруги Чжао согласились одолжить денег.

В конце концов её муж привёз лекаря из уезда, и ей со старшим сыном удалось выжить. И хотя позже её семья полностью вернула долг, благодарность за спасение жизни навсегда осталась в её сердце.

После гибели родителей Чжао она постоянно опекала двух осиротевших братьев, и сейчас действительно боялась, что с ним стряслась беда.

Схватив за руку своего старшего сына Ван Пина, госпожа Ван уже собиралась подойти и постучать в дверь, но, взглянув на вооружённых головорезов, испугалась — все они были простыми, честными крестьянами, отроду не выдавшими кровавых расправ.

У ворот стоял невообразимый шум, а внутри дома Чжао Шуюй продолжал пялиться на своего дарового братишку.

Отодвинув сидевшего на нём мальчика, он перевернулся и сел, обнаружив, что лежит на соломенной циновке прямо на земляном полу. В комнате не было ни единой приличной вещи — настоящая нищета, хоть шаром покати, вокруг лишь четыре стены да крыша, защищающая от дождя.

Будучи наследником древнего клана боевых искусств с вековой историей, Чжао Шуюй за всю свою жизнь никогда не видел подобного жилья. Разве в таком вообще можно жить?

Он окинул взглядом хрупкого мальчишку рядом с собой: тот был с землисто-желтым цветом лица, явно страдая от сильнейшего недоедания. На вид ему можно было дать года три-четыре, хотя на самом деле скоро должно было исполниться шесть. Какой же он бедняга!

Чжао Шуюй потрогал затылок, развязал повязку и с удивлением обнаружил, что рана чудесным образом затянулась. Целебная трава кленовый лист не обладала столь мощным эффектом, да и в повязке были заложены самые обычные травы, которые и в подмётки ей не годились. Неужели он проспал так долго?

— Мелкий, сколько дней я спал?

Чжао Шуян с покрасневшими глазами невинно посмотрел на брата:

— Братец, меня зовут не мелкий, меня зовут Сяо Шиту, братец, ты что, забыл?

Чжао Шуюй скривил губы:

— Ну хорошо, Сяо Шиту, сколько дней братец проспал?

— После того как дедушка-староста и остальные привели тебя обратно, прошло уже два дня. Я не смел тебя будить, — послушно ответил малыш.

В памяти всплывало, что в последние два года прежний хозяин дома из-за дурного настроения то и дело лупил брата, отчего тот смертельно его боялся. Но несмотря на страх, маленький Сяо Шиту сильно зависел от него и, видя, что брат всё время спит, боялся потревожить.

Чжао Шуюй тщательно обследовал своё новое тело: рана зажила, а в мышцах чувствовалась бычья сила.

Вспомнив чудесное происшествие перед потерей сознания, он предположил, что именно тот нефритовый кулон исцелил рану, вот только оставалось непонятным, как им пользоваться.

Слушая доносившиеся снаружи крики и удары, Сяо Шиту перепугался ещё сильнее.

— Братец, кто там снаружи? Они такие злые, неужели они ворвутся и забьют нас до смерти?

<http://bllate.org/book/22441/2357832>